М. М. БОГОСЛОВСКИЙ

В. О. Ключевский как ученый*

I

Прошло уже более четырех месяцев со дня кончины В. О. Ключевского, а все еще не хочется верить в эту смерть; все еще кажется, что вот он сейчас войдет в наше собрание своей осторожной походкой, скромно займет место так, чтобы быть наименее заметным, и станет вдумчиво и внимательно прислушиваться к происходящему. Трудно свыкнуться с мыслью, что его уже более нет, что более никогда нигде его не встретишь, не увидишь острого, проницательного, сверкающего умом взора его глаз, не услышишь гибких и мягких переливов его привлекательного голоса, не услышишь его искрящейся остроумными блёстками речи, в минуты одушевления переходящей в ослепительный фейерверк остроумия.

Глубокий и тонкий исследователь исторических явлений, он сам стал теперь законченным историческим явлением, крупным историческим фактом нашей умственной жизни. Этот факт ждет и требует исследования, объяснения и изучения. Вспоминая его сегодня, мы делаем первую слабую попытку его объяснить,— попытку, за которою должно последовать обстоятельное, подробное и всестороннее его изучение.

Ключевский во всем, начиная с самой своей приметной, выразительной, приковывавшей к себе невольное внимание внешности, был своеобразен и самобытен, и в общении с ним чувствовалось, что имеешь дело с оригиналом-самородком, а не с копией с кого-нибудь или в чем-либо. Он был талантлив до гениальности. Но неразгаданной остается и, может быть, навсегда останется тайна гениального дарования. Какие таинственные силы созидают гений? Откуда

---

* Речь, произнесенная в торжественном заседании Исторической комиссии О. Р. Т. З., посвященном памяти В. О. Ключевского, 30 сентября 1911 г.

является он к нам в лучезарном сиянии, озаряя нас и оставляя широкий и светлый след за собою? В нем всегда остается нечто иррациональное, не поддающееся объяснению.

Однако и гений живет в окружающей его среде и в условиях своего времени. Сам оказывая воздействие на эту среду, он все же испытывает на себе и ее влияние, отражает на себе ее более или менее глубокую печать. С этой стороны и только пока с этой и можно подойти к его объяснению.

Неизгладимый, не стирающийся позднейшими восприятиями след оставляют иногда первые впечатления детства, и кто знает, может быть, они определяют наклонности и вкусы всей последующей жизни. В. О. Ключевский родился под сенью храма; он был сын приходского священника в далекой провинциальной глуши. Звон утреннего колокола не раз отгонял детские сновидения от его колыбели. От близкого ему родного храма он унес теплое чувство к церкви и возвышенный взгляд на нее как на организацию, долженствующую просветлять окрестный мрак и смягчать окружающую грубость, на организацию, которая, по его выражению, «воспитывая верующего для *грядущего* града, постепенно обновляет и перестраивает и град *зде пребывающий*»*. Таким теплым чувством согрета его знаменитая речь о преподобном Сергии; таким возвышенным взглядом проникнуты те страницы его научных исследований, где он касается вопроса о влиянии церкви на положение женщины**, об отношении ее к несвободным и обездоленным элементам русского общества***, об ее смягчающем действии на грубые нравы народа.

Ключевский происходил из той общественной среды, в которой более, чем в какой-либо другой, сохраняется чувство привязанности и любви к старине, из которой вышел С. М. Соловьев, из которой в древности выходили наши летописцы. Расставаясь с тою средой,

---

* *Ключевский В.О.* Содействие Церкви успехам русского гражданского права и порядка // Творения святых отцов. 1888. Кн. 4. С. 383.

** Там же. С. 409. «Гражданскую правоспособность и материнский авторитет женщины церковь строила на ее нравственном совершенстве и высоте ее семейного долга, и если русская женщина разберется в своем юридическом и нравственном имуществе, которым она живет как жена, как мать и гражданка, она увидит, что всем, чем наиболее дорожит в ней общество и что в ней наиболее дорого ей самой — всей своей исторической опричниной,— она обязана преимущественно церкви, ее проповеди, ее законодательству. Это — мое историческое убеждение, а не удастся оправдать его историческими документами, оно превратится в мое верование».

*** *Ключевский В.О.* Подушная подать и отмена холопства в России. Церковь и холопство // Русская мысль. 1886. Кн. 5.

с которой он был связан происхождением, и выходя из нее на более широкое поприще, он не порвал, однако, с нею; печать среды лежала на всей внешней обстановке его домашнего уклада. В комнатах его квартиры, выходящих непременно окнами на солнце, с протянутыми по диагоналям пола «дорожками», со множеством заботливо расставленных домашних растений, было что-то очень напоминавшее собою домик сельского священника. Даже в собственном его облике, в этой красивой голове, обрамленной довольно длинными волосами, в этой клинообразной негустой бороде, в остром взгляде его глаз через очки было что-то такое, что при всей оригинальности его облика роднило его с типами, встречающимися среди нашего духовенства.

Немаловажное значение в развитии таланта Ключевского надо приписать пройденной им школе, точнее, удачному сочетанию двух разных типов школы, в которых он получил воспитание. Он прошел низшую и среднюю духовную школу, обучался в провинциальном духовном училище и затем в семинарии. Своей спартанской обстановкой эта суровая школа давала физический закал своим питомцам и производила отбор среди них. Не всякий ее выносил; но кто ее вынес, мог действительно похвалиться прочной и сильной организацией. Василий Осипович был богатырь по своей физической природе. Правда, он не производил такого впечатления при первом взгляде. Худощавый, необыкновенно живой и подвижной, своею подвижностью как бы отражавший гибкость одушевлявшей его мысли, он не казался обладателем большой физической силы; но его организм скрывал в себе неистощимый запас здоровья, позволявший ему развивать такую поразительную работоспособность. Провести целую ночь напролет без сна за письменным столом, а иногда и в оживленной беседе с друзьями, превзойти при этом бодростью и оживлением окружавшую молодежь — затем, отдохнув час-другой, прочесть полную вдохновения и огня лекцию, и это на седьмом десятке лет, было для него обыкновенным делом. Давая физический закал, отбирая сильнейших, духовная школа середины XIX века своею учебною стороною сообщала такой же закал мыслительной работе, давала мышлению выправку. Эта школа не обогащала учащегося знаниями и фактами; все ее усилия, все преподававшиеся в ней дисциплины: толкование латинских и греческих авторов, логика, бесконечные упражнения в писании рассуждений по хриям — все это было направлено тогда к изощрению формальной мыслительной работы.

Быть может, именно этой школе Ключевский был обязан логической выправкой мысли и необыкновенной точностью своего языка.

Точность языка была особенно ценным свойством при занятиях историей, которая, хотя и давно уже признана наукой, но все же не отошла еще и от изящной словесности и не имеет своего специального языка подобно, напр., математическому языку или даже языку юридических дисциплин. Историки говорят и пишут нередко очень литературным и красивым языком, но всегда довольно расплывчатым и неточным. Первое, что поражало в лекциях и научных трудах Ключевского, была необыкновенная, непривычная для исторического ума точность его выражений. Каждому явлению, которое он исследовал, он давал ясное и точное определение; каждое отношение, которое он устанавливал, он выражал в сжатой и отчетливой формуле, запоминавшейся потом со студенческой скамьи на всю жизнь. Эта математическая точность определений и формул вместе с художественной красотой и меткостью сравнений и эпитетов составляет то оригинальное и особенное, чем отличается стиль Ключевского. Его всегда возмущала ученая порча русского языка в научных сочинениях. «Наш ученый язык,— не без раздражения замечает он в одной из своих рецензий,— благодаря небрежному обращению с русским лексиконом стал превращаться в неуклюжий и неудобопонятный жаргон, который только мешает распространению и ясному пониманию идей, добываемых учеными работами»*.

Но формальная мыслительная гимнастика, получаемая в духовной школе, его не удовлетворила. Он не создан был чистым логиком, как Сперанский[1]. Его живой конкретный ум не был только мыслительным аппаратом, механизмом для построения отвлеченных схем; этот ум нуждался в конкретном содержании, в знаниях и фактах, как материал для мыслительной работы,— и вот Ключевский затосковал в семинарии, стал рваться в светскую высшую школу, в университет с его позитивной наукой, а склонность к изучению прошлого, вызванная чтением Карамзина и Соловьева, подсказывала ему и выбор факультета. Духовная школа не легко расставалась с лучшим своим украшением; на пути к университету встретились для Ключевского какие-то формальные препятствия, которые были, однако, устранены снисходительной рукой тогдашнего пензенского епископа.

Что же дал Ключевскому университет? Всего важнее было именно самое это сочетание высшей светской школы с средней духовной, самое сочетание двух методов, которыми действовала каждая. Семинария логической гимнастикой дисциплинировала мысль;

* Православное обозрение. 1877. Кн. II. С. 176.

университет обогащал развитую мысль положительным знанием; семинария развивала формальное мышление, университет вооружал его фактом, опытом и наблюдением. Ключевский попал в высшую школу если, может быть, и не в самую блестящую эпоху, то все же и не в сумерках Московского университета. На небосклоне филологического факультета, на который он поступил, блистало тогда немало светил первой величины; на юридическом это было время знаменитого Никиты Ивановича Крылова [2] и только что начинавшего свои лекции Чичерина. Сам Василий Осипович, в многократных беседах вспоминая годы своего студенчества, рассказывал, что он на экзамене у известного профессора П. М. Леонтьева [3] обнаружил такие успехи по латинской филологии, что Леонтьев первый возбудил вопрос об оставлении его при университете по своей кафедре. Очень возможно, что именно в занятиях интерпретацией классических авторов надо искать начало того мастерства, которое впоследствии Ключевский проявлял в толковании текстов летописей, Русской Правды и других памятников, в объяснении запутаннейших и труднейших мест в этих текстах, в предложении поражающих проницательностью конъектур, равно как и в исчерпывающей критике, которой он подверг многочисленные тексты житий святых. Изучение древних авторов представляло хорошую школу для воспитания критического таланта. В наши дни эта область в цикле преподавания на историко-филологических факультетах как-то отошла на второй план; есть лица, склонные считать греческую филологию даже и совсем необязательной. В этом поистине прискорбном недоразумении надо видеть, конечно, лишь временную реакцию против того искусственно повышенного, надутого значения, которое стремились придать классической филологии на историко-филологических факультетах творцы устава 1884 года, ставя ее во главе угла всего преподавания на этих факультетах и подавляя ею все остальные дисциплины. Все это преувеличения то в одну, то в другую сторону; но мы искренно убеждены, что для историка, которому предстоит работа над древними периодами с их ограниченным количеством памятников, притом памятников искаженных, сохранившихся в различных редакциях, словом, для историка, которому предстоит иметь дело с критикой текстов, лучшею школою до сих пор остается интерпретация классических авторов, методы которой так тщательно разработаны и доведены до такой высокой степени совершенства в западной науке.

Не раз говорил Василий Осипович о большом влиянии на него лекций Чичерина, которые он слушал уже по окончании универси-

тетского курса в качестве оставленного при университете. Может быть, эти лекции, как и вообще труды Чичерина, содействовали развитию в нем вкуса к вопросам права; может быть, они именно направляли его мысль на историю учреждений и на историю общественных классов преимущественно с юридической стороны. Работы Ключевского по истории холопства можно считать непосредственным продолжением статей Чичерина о несвободных состояниях, помещенных в его «Опытах по истории русского права». Такая тема, как «Боярская Дума древней Руси», не выходит ли из того же круга вопросов, к которому относятся и знаменитые «Областные учреждения XVII века»?[4] Щедрую дань признательности своему учителю благодарный ученик выразил впоследствии, украсив посвящением Б. Н. Чичерину одну из замечательнейших своих работ — статью о земских соборах, которыми также занимался и Чичерин. Василий Осипович передавал нам, что на него производил сильное впечатление и самый язык Чичерина, кристально-ясный, сжатый и точный, необыкновенно приспособленный для выражения юридических понятий и отношений.

Но более всего Ключевский ценил в себе как в ученом влияние С. М. Соловьева. О Соловьеве он отзывался с самым глубоким уважением и себя, кажется, до последних дней все считал учеником Соловьева, по удивительной своей скромности не замечая, что давно уже перерос учителя. Раз, на одной из лекций, которые мне довелось слушать на студенческой скамье в конце 80-х годов, Василий Осипович, отсылая нас по какому-то вопросу, которого он не успел за недостатком времени развить в своем чтении, к большой истории Соловьева, сказал: «Там вы найдете те же взгляды; я передаю вам то, что получил от Соловьева; я — ученик Соловьева, вот все, чем я могу гордиться как ученый», и надо было слышать, с какою гордостью произносилось при этом имя Соловьева. В основу своего преподавания в университете Ключевский, кстати сказать, очень умелый, но и требовательный и строгий педагог, клал не свой курс, а большой, очень сухой и трудный, наполненный фактами учебник Соловьева, отчетливого знания которого он и требовал весьма взыскательно — в те, по крайней мере, годы на экзаменах. На свой курс он смотрел только как на дополнение к учебнику Соловьева; такой взгляд на курс проведен у него печатно в известном его «Кратком пособии по русской истории»[5].

В чем же могло выразиться влияние на него Соловьева, которое так высоко ценил Ключевский? Воздействие университетского учителя, если оно не ограничивается пределами аудитории, может

быть очень сильно и глубоко и при этом не всегда поддается точному учету. Оно не заключается только в идеях и знаниях, сообщенных на лекциях, или в методах, указанных на практических работах. Обмен взглядов по специальным вопросам, споры, передача накопленного долгим временем опыта — все это, при общении с учителем, пути влияния, сумму которого нельзя точно измерить и выразить; а Ключевский поддерживал дружные отношения к Соловьеву до кончины последнего.

С. М. Соловьев в свое время сам был блестящим явлением на кафедре Московского университета. Он занял ее во всеоружии эрудиции и на уровне того общего понимания исторической науки, которого достигла тогда западноевропейская научная мысль. С выходом первых томов его «Истории России с древнейших времен» произведение Карамзина — самый текст, конечно, его «Истории Государства Российского», а не примечания, сохранившие научную цену до наших дней — было сдано в архив разряда изящной словесности, а летописные выписки Погодина оказались не более, как подготовительными черновиками. Главная заслуга Соловьева, его бессмертная заслуга в науке состояла именно в накоплении фактов, тех исторических фактов, без которых так же немыслима история, как немыслима математика без величин и чисел. Обладая невероятною среди русских людей постоянной размеренной и выдержанной, поистине немецкой трудоспособностью, он всю свою жизнь посвятил собиранию фактов, многие годы неутомимо рылся в архивах, делая все новые и новые открытия. Как тот древнерусский славянин-колонист, который по мастерскому изображению Ключевского одиноко с топором в руке работал в глухом лесу верхне-волжского края, Соловьев расчищал непочатые архивные дебри и прокладывал в них путь для новых работников. Долгое время он нес эту тяжелую работу действительно один. Затем возле его стола в архиве министерства юстиции, тогда еще помещавшемся на Старой Басманной в неудобном и неприспособленном здании, был отведен стол для его ученика — Ключевского. Василий Осипович любил вспоминать об этой их совместной работе, отдавая всегда Соловьеву бесспорное преимущество в знании архивов. Может быть, самым своим примером более, чем каким-либо намеренным указанием, Соловьев вводил Ключевского в сокровищницу архивов.

Но и Соловьев отдал дань своему времени. Он выходил на научное поприще в ту эпоху, когда в развитом и передовом русском обществе царила философия Гегеля и Шеллинга, когда увлекались отвлеченными началами, когда всему многообразию явлений стремились

отыскать единое основание и когда историю начинали не с того конца, откуда привыкли начинать ее мы, не с фактов, восходя затем к обобщениям, а с какого-нибудь основного отвлеченного начала, набирая затем в подкрепление этого начала кое-какие подходящие факты из скудного, имевшегося тогда налицо их запаса. Каждый, кто прикасался к русской истории, К. Аксаков[6], Кавелин, Чичерин, Никитский[7], непременно выводил ее из какого-либо отвлеченного начала. И Соловьев также положил было в основу своих взглядов такое единое начало — родовой быт; но это начало оказалось потом, когда он занялся добыванием фактов, слишком тесным, чтобы вместить в себя все их обилие и разнообразие, уже в первых томах «Истории России с древнейших времен» оказалось чем-то извне приставленным, а в дальнейших томах и совсем забытым.

Было бы, однако, совершенно неправильно смотреть на Соловьева только как на собирателя фактов. Ему, правда, не удалось отыскать для истории России единого общего начала; но кому это удалось или удастся? Соловьеву принадлежат некоторые теории частного порядка, принятые затем Ключевским, усвоенные им и вошедшие в плоть и кровь его «Боярской Думы» и курса. В этом заимствовании теории можно видеть прямое влияние самых идей учителя, непосредственное идейное преемство; работая над ними, Ключевский продолжал и развивал взгляды Соловьева. Таковы, напр., две столь известные теории, составляющие органическую принадлежность воззрений Ключевского: во-первых, учение об очередном порядке княжеского владения в Киевской Руси; во-вторых, учение о колонизации северной верхне-волжской Руси как основе нового политического порядка, установившегося в этой Руси и подготовившего Московское государство. Соловьев вывел теорию княжеского владения из родовых отношений Рюрикова дома, определил порядок княжеских счетов, сопоставил лествицу волостей с лествицей князей, которые должны были двигаться по волостям по очереди старшинства. Выяснив самый порядок княжеских отношений, Соловьев наметил и те условия, которыми этот порядок разрушался: усобицы и договоры князей, вмешательство вечевых собраний городов, положение князей-изгоев, и он же обозначил элементы, скреплявшие тогда земское единство готовой распасться Руси. Все эти основные черты учения Соловьева о княжеском владении в Киевской Руси были повторены Ключевским, систематизированы и изложены в стройной схеме и тем блестящим языком, в котором крылась одна из тайн его очарования. Точно так же кто не читал, даже более, кто не зачитывался дивными, как бы проникнутыми

поэзией великорусского лесного пейзажа, страницами «Боярской Думы» и курса, посвященными колонизации верхнего Поволожья, Суздальской земли, образование великорусского племени, возникновение на северо-востоке новых экономических, социальных и политических отношений? А между тем ведь это только блестящее развитее соловьевского взгляда! Самый факт колонизации верхневолжского края установлен Соловьевым, много вообще твердившим о движении славянского племени с запада на восток. Им же выяснены и политические последствия этого факта. Соловьев — первый установил учение о княжеском северном уделе как о частной собственности князя в противоположность южно-русской волости как временному владению князя и вывел такую политическую перемену из тех отношений, которые завязывались колонизацией, выдвигавшей значение князя как создателя и хозяина-устроителя своего удела. «Мысль: это — мое, потому что мною сделано — легла в основу удельного владения» — эти слова, характеризующие отношение князя к уделу, сказаны были Соловьевым и буквально затем повторены Ключевским в его описании возникшего на севере княжеского удела. Факт колонизации, указанный Соловьевым, привлек к себе особенное внимание Ключевского, который имел намерение сделать его темой своей магистерской диссертации. Как известно, работы над житиями святых были предприняты в надежде найти в житиях источник для истории колонизации. Приняв теорию Соловьева, Ключевский дополнил, расширил и развил ее. Соловьев коснулся только новых политических отношений на севере; Ключевский кроме политических отношений подверг внимательному исследованию еще и отношения, оставленные Соловьевым в тени — экономические и социальные. Получилась ярко написанная картина княжеского хозяйства в уделе и вообще нового земледельческого и землевладельческого порядка, установившегося на севере, в противоположность торговле как основной экономической силе южной Руси.

Так мысли, только в общих очертаниях намеченные учителем, нашли себе блестящий расцвет в трудах ученика.

II

Не напрасно, стало быть, Ключевский хранил такую благодарную память о Соловьеве и других своих учителях. Но как бы ни были заметны в нем испытанные им влияния, не они создали Ключевского. Драгоценные камни-самородки — не создания ювелиров; последние

придают им только те или другие грани, те или другие внешние формы; тайну своего чарующего блеска они заключают в самой своей природе. Таким талантом-самородком и был Ключевский.

Я далек от намерения исчерпывающим образом характеризовать всю силу и всю глубину дарований покойного историка. Мне хочется только указать те стороны его таланта, которые всегда мне казались наиболее для этого таланта существенными, наиболее составляющими его отличительную особенность. Основным свойством его мощного ума было поразительно изощренное и развитое, сильное и тонкое, но всегда конкретное, если так можно выразиться, мышление. Отвлеченная работа мысли была ему чужда; он обладал слишком ярким воображением, он был слишком художник для абстракций; самый его язык был слишком образным для передачи отвлеченных понятий. Высшие отвлеченные понятия его не занимали, высшими философскими вопросами он, по-видимому, очень мало интересовался. Даже и к теориям той самой науки, которой он всего себя отдал, он оставался довольно равнодушным; разговор, касавшийся теории исторического процесса, его не воодушевлял, и кроме первой лекции курса нигде, кажется, больше он этой теории не касался. Его работы писались не по теоретическим шаблонам, да и не Ключевскому, конечно, было держаться в своих работах каких-либо принятых шаблонов, когда сами эти его работы в их практическом исполнении должны служить образцами и основами, отправными точками для методологических теорий! К Ключевскому менее всего пошло бы название отвлеченного мыслителя. Как топливо для огня, для его мысли всегда нужен был конкретный, реальный, фактический материал. Фактами как бы заменялись для него логические понятия. «Исторические факты,— писал он в одной из своих статей,— по существу своему — выводы, обобщения отдельных явлений, сходных по характеру; они — то же, что понятия в логической сфере. Подобно последним они могут разниться по своей широте, по количеству обобщаемого в них материала; но подобно последним же они всегда должны сохранять логическое соответствие своему материалу»*. Неутомимый исследователь фактов, он оригинально их анализировал, разлагая их на части, и комбинировал отдельные факты в стройные системы, которые обобщал затем в грандиозную общую схему своего курса; он открывал в исследуемых фактах новые, никем раньше не замеченные

* *Ключевский В.О.* Церковь по отношению к умственному развитию древней Руси // Православное обозрение. 1870. Кн. I. С. 311.

черты, своеобразно их освещал, отыскивал их причины и выводил следствия, — но он работал всю жизнь над историческими фактами и только над ними. Вот почему он органически был неспособен задаваться задачей вывести весь ход русской истории из какого-либо единого отвлеченного начала, не сотворил себе того единого кумира, которому покланялись гегелианцы славянофилы и западники и от поклонения которому в начале своей научной деятельности не остался свободен и Соловьев.

Не вся масса исторических фактов привлекала к себе безразлично, в одинаковой степени научное внимание Ключевского; можно наметить некоторые группы их, возбуждавшие в нем особый, преимущественный интерес. Его манили к себе в исследовании исторического процесса явления политические, социальные и экономические, и главным образом социальные. Явлений иного порядка, истории мысли, религии, литературы, искусства он, разумеется, не обходит и, когда коснется их, дает превосходные вещи; но не на этих вопросах были сосредоточены его главные силы. Свой курс он ограничивает, как он заявляет во вступлении, лишь политической, социальной и экономической сторонами исторического процесса и, припомним, весь ход русской истории он делит на периоды по признакам этих трех категорий. Киевская торговая, городовая Русь сменяется у него Суздальскою, вольно-земледельческой, удельно-княжеской, которую в свою очередь сменяет Русь Московская царско-боярская, военно-землевладельческая, и эта последняя, наконец, переходит в Русь всероссийскую, императорско-дворянскую, крепостную, земледельческую и фабрично-заводскую. В основе этой классификации, как видим, строго выдержаны экономические, социальные и политические признаки. Тяготение к вопросам указанных порядков у Ключевского может быть объясняемо, конечно, общим направлением европейской, а также и русской историографии второй половины XIX века, выдвинувшей эти стороны исторического процесса на первый план научного исследования. Ключевский в этой области работал не одиноко, и его можно считать членом той историко-юридической школы в русской историографии, к которой принадлежит немало славных имен, каковы Неволин[8], Кавелин, Чичерин, Соловьев, Сергеевич[9], Градовский, Дитятин[10].

Но даже и к указанным трем категориям исторических явлений интерес Ключевского устремлялся неравномерно. Всего охотнее его мысль направляется к истории общественных классов, и в этом, быть может, надо видеть влияние той эпохи, с которою совпали наиболее восприимчивые годы его юности, когда в России разре-

шалась великая социальная проблема — освобождение крестьян. Практическое решение этого вопроса сопровождалось в нашем обществе подъемом теоретического, научного интереса к истории тех двух общественных классов: дворянства и крестьянства, которые входили, как две данные величины в подлежавшую решению задачу. Две неравные по объему, но совершенно равные по ценности работы Ключевского посвящены истории высших государственных учреждений древней Руси: боярской думе и земским соборам. Но, работая над историей учреждений, он интересуется в них главным образом их социальной стороной. В статье о земских соборах он вскрывает общественный состав этих собраний, а его «Боярская Дума»[11] с полным правом может быть названа подробною историей русского боярства, до такой степени исследование ее как института уступает место истории того общественного класса, представители которого ее наполняли. Новые, неожиданные, оригинальные комбинации, к которым Ключевский приходил в этих исследованиях, можно назвать поистине гениальными. В самом деле, элементы, которыми работает гений, те же, что встречаются и в окружающей его среде в ту эпоху, когда он живет и действует. Но те небывалые, оригинальные сочетания, в которые он эти элементы приводит, и те неожиданные сопоставления, которые он из них делает, составляют то его личное, что никем ему не дано, что ни от какой среды и эпохи, ни от каких влияний не зависит и что он сам вносит в мир. Элементы давно были известны; знали о Думе и о Земских соборах, с одной стороны, известны были и классы русского общества — с другой. Но только Ключевскому пришла счастливая мысль сочетать эти элементы, рассмотреть их во взаимной связи, и получились поразительные результаты, настоящие открытия. Точно так же примененное им изучение социальной основы внесло смысл в историю Смутного времени. Ход событий Смутного времени представлялся до Ключевского какой-то действительно смутной фантасмагорией, каким-то калейдоскопом, в котором в причудливом беспорядке сцеплялись случайные факты. Только Ключевский проницательным взглядом различил выдвигавшиеся в Смуте социальные силы, наметил участие в этой революции на рубеже XVI и XVII веков различных общественных классов с их идеалами и программами и с их кандидатами на престол как средствами для осуществления этих программ. Ключевский, не занимаясь сам Смутой специально, указал настоящий путь к ее научному изучению, и в дальнейших посвященных ей специальных исследованиях это его указание принесло ценные и обильные результаты.

Было бы ошибкой утверждать, что научный интерес Ключевского привлекали к себе исторические судьбы преимущественно низших классов, ошибкой хотя бы уже по одному тому, что большую часть своих ученых сил он отдал работе над историей как раз высшего класса русского общества — боярства. Справедливее будет сказать, что совершенно одинаково притягивали к себе его внимание как низы, так и верхи русского общества, и решительно никакого демократического предпочтения в его ученых исследованиях уловить нельзя. И в «Боярской Думе», и в курсе он подробно изучает эволюцию высших правящих слоев, торговую аристократию днепровской Руси, землевладельческую дружину и монастырское общество верхне-волжской, титулованное московское боярство XV–XVII веков и пришедшее ему на смену пестрое по составу мелкопоместное дворянство XVIII и XIX столетий, производящее через гвардию дворцовые перевороты. Общественным низам посвящены две небольшие по объему, но не менее значительные по важности работы, статьи о происхождении крепостного права и о холопстве, также могущие служить образцами оригинального и неожиданного сочетания данных, известных и ранее. Вопросом о происхождении крепостного права давно занимались, но источника этого права все искали в правительственных указах, и только Ключевскому пришла мысль поискать его в крестьянской порядной, сопоставив эту порядную с кабальной холопской записью. Получился в результате целый переворот в изучении вопроса.

В истории общественных классов Ключевский изучает главным образом их юридическое положение. Чисто экономическим вопросам он посвятил два специальных исследования: «Хозяйство Соловецкого монастыря на Беломорском побережье»[12] и затем исследование о ценности русского рубля[13]. Но вообще экономические отношения привлекаются в его работах лишь постольку, поскольку они нужны для объяснения создававшихся на их основе юридических явлений. Права и обязанности общественных классов, их взаимоотношение, положение их в государстве как сословий — вот вопросы, на которые отвечают отдельные исследования Ключевского. Эти отдельные исследования он сводит в курсе в единую схему процесса постепенного закрепощения сословий, достигающего своей кульминационной точки к половине XVIII века, и затем излагает развитие обратного процесса раскрепощения сословий, начавшегося изданием законов, облегчающих обязательную дворянскую службу, и закончившегося манифестом 19 февраля 1861 года. На этой схеме, изображающей восходящий процесс закрепощения и затем

нисходящую линию освобождения, зиждется структура его общего курса, и если бы нужно было определить главную, господствующую склонность Ключевского как историка, я бы назвал его историком общественных классов.

Таковы факты, таково фактическое содержание, над которым работала его мысль. Но эта могучая и вместе с тем поразительно тонкая мысль не скользила по фактам поверхностно, не вбирала их в себя пассивно, чтобы передать их затем с эпическим равнодушием. Она воздействовала на исторический материал подобно солнечному лучу, который, падая на предмет, не только озаряет его и делает видимым, но и оказывает на него глубокое интенсивное, физическое и химическое воздействие, разлагая его на составные части или, наоборот, содействуя его сочетанию с другими элементами. Ключевский не подносил читателю не переработанного сырья, рассказывал исторические эпизоды только, когда это было необходимо, при чтении лекций излагал факты бегло, как бы нехотя, торопясь скорее к тем выводам и размышлениям, для которых собственно и рассказывались факты. Факты были для него то же, что логические понятия; вот почему он и совершал с ними ту же мыслительную операцию, которая совершается с логическими понятиями. Факты были только служебными элементами, питавшими его мышление. Не самое изложение события как таковое, а размышление над событием было его главной целью, и едва его мысль касалась факта, как она уже начинала либо расчленять его на составные его части, анализировать его, либо подыскивать сходные ему факты, соединять частные и мелкие факты в более общие, связывать общие факты в группы и системы и, наконец, обобщать системы в единое стройное целое — словом, проделывать над фактами другую, синтетическую работу. В обоих этих методах, и в анализе, и в синтезе, мы видим в Ключевском первоклассного мастера, не знающего себе равных. Он одинаково велик и в миниатюрных микроскопических изысканиях, и в грандиозных общих построениях.

Его совершенно не тяготила предварительная, черная, кропотливая, неблагодарная, казалось бы, работа над просмотром массы источников, на которую приходится исследователям затрачивать много времени и сил и в результате которой может оказаться всего несколько крупинок, но, правда, он добывал крупинки чистого золота. Он не затруднялся внимательнейшим образом пересмотреть груды архивного сырья, перечитать множество каких-нибудь десятен или писцовых книг для того, чтобы получить две-три необходимые ему цифры. Такую работу он вел поистине с соловьевскою

трудоспособностью. Стремясь найти в житиях святых несколько данных для интересовавшего его факта колонизации северной Руси, он собрал по разным древлехранилищам и библиотекам громадное количество рукописных житий, подверг каждое из них самому тщательному критическому исследованию, и результаты, к которым приводила его эта египетская работа, положения, которые были им добыты, служат с тех пор прочным базисом и надежным отправным пунктом для дальнейших тружеников в этой области. Какую массу скучнейшего, казалось бы, и однообразнейшего цифрового сырья надо было собрать и переработать для того, чтобы получить ровно девять заключительных строк всего этого обширного исследования о ценности русского рубля, тех строк, в которых изложены результаты изысканий и с которыми и справляются обыкновенно все те, кто имеет дело с ценностью наших денег в прошлом. Предпринять такой труд было настоящим самопожертвованием для науки. Анализ исторических фактов Ключевский вел как бы вооруженный микроскопом. Такую микроскопическую работу он производил, когда подвергал исследованию мельчайше детали крестьянских порядных и разного рода холопьих записей для своих статей о происхождении крепостного права и об отмене холопства в России, когда разыскивал по писцовым книгам и десятням имя каждого участника земских соборов 1566 и 1598 годов для статей о составе представительства на земских соборах или когда изучал родословные и разрядные записи, собирая гомеопатическими дозами материал для страниц «Боярской Думы», посвященных характеристике состава московского боярства. И эти миниатюрные, скрупулезные изыскания, всю эту тончайшую работу он сводил всегда к определенным, ясным, сочным, отчетливо изложенным выводам, составляющим завоевание науки и показывающим, что вся эта труднейшая, египетская предварительная работа была отважно предпринята и с упорством проведена не напрасно.

Столь же неподражаем был Ключевский и в синтезе, в искусстве комбинировать факты и восходить от мелких, частных фактов и отношений к общим и крупным, давая им точные определения, строить системы, чтобы в конечном результате этих систем создать общее построение русской истории. Тайну его синтетического мастерства надо искать в его ярком художественном таланте, в силе его воображения и чувства. В Ключевском счастливо слились свойства историка-мыслителя и художника, а что можно представить себе удачнее сочетания тонкости мысли с яркостью художественного образа? Как будто несколько муз согласились принести свои дары

его восприимчивой природе, и, одаренный ими, он столько же был посвящен в тайны зодчества, сколько и живописи, поэзии и даже, если хотите, музыки. В самом деле, разве не служат доказательством способности его как зодчего его удивительные отдельные построения и все это величественное сооружение курса русской истории, поражающее глубиною мысли и в то же время изяществом и красотой очертаний? Притом Ключевский умел строить из всякого материала одинаково умно и изящно, были ли это полновесные, тщательно выверенные критикой источники, из которых он складывал учение о московском боярстве, или же это были несколько уцелевших летописных обрывков, из которых он создавал гипотезу городового строя Киевской Руси.

Художественный талант бил в нем ключом, прорывался в нем, заставляя его нарушать обещания и отступать от принятого плана. Своему общему курсу Ключевский ставил социологические задачи. Во вступительной лекции он развивал взгляд на историю как на подготовительную или предварительную ступень к социологии; рассуждал о специальном интересе местной истории, на которой можно следить за своеобразным, неповторяемым в других местах сочетанием основных элементов человеческого общежития... но кисть живописца не давала покоя руке, и среди социологических формул, в которых он выражал подмеченные отношения, он вдруг рисовал, как живой, портрет Андрея Боголюбского, Ивана Калиты, Грозного, Алексея Михайловича, Петра Великого. Его преобладающим ученым интересом было изображение юридического положения общественных классов, их прав и обязанностей к государству, и он при чтении лекций обещал держаться в их изображении только этой стороны, но к величайшему счастью для слушателей он как бы забывал свое обещание и давал яркую характеристику умственного и нравственного состояния дворянства в XVIII и XIX веках, его взглядов, вкусов, чувств и настроений, ту характеристику, которая легла в основу его знаменитой лекции о Евгении Онегине и его предках [14]. А разве можно читать некоторые страницы его курса без того эстетического волнения, которое вызывают в нас лучшие поэтические произведения, и разве мы не поставим, например, дивной характеристики великорусского племени наряду с лучшими страницами наших величайших поэтов? Разве стиль Ключевского, его точное, меткое, сильное, как будто выкованное слово не производит на нас действия какой-то музыки — я уже и не говорю о тех из нас, которые имели счастье слышать его лекции в его собственном чтении! То было обаяние настоящей, в буквальном смысле слова

музыки, благодаря его необыкновенно привлекательному голосу и дикции. И теперь еще, когда перелистываешь его курс, воскресают слуховые впечатления, и отдельные фразы курса слышатся так, как они были когда-то произносимы.

Несравненный художественный талант, которым обладал Ключевский, открывал ему особый прием изображения изучаемых им явлений и особый путь их познавания, неведомый для патентованных ученых исследователей, но только исследователей. Тот предмет, над обстоятельным описанием и над тщательным измерением которого со всех его сторон в его целом и в частях ученый исследователь потратит много времени, тот самый предмет художник несколькими мазками кисти или, подобрав удачный эпитет, представит в ярком, непосредственно воспринимаемом образе. Это потому, что художник познает предмет путем непосредственной, художественной интуиции, путем какого-то внутреннего проникновения в самую суть предмета. Когда Ключевский в архиве или в тиши своего ученого кабинета погружался в чтение древних документов, он вживался в ту эпоху, которую исследовал, он проникал в миросозерцание, в чувства и настроения людей того времени, постигал их внутренним художественным чутьем. Он на эти минуты как бы жил с людьми прошлого, мыслил и чувствовал вместе с ними. Этого непосредственного художественного проникновения в былое, и в его внешнюю обстановку, и в психологию давно сошедших с исторической сцены людей, и отдельных личностей, и народных масс, этой способности постигать, усваивать и воскрешать отдуманные думы, угасшие чувства и отзвучавшие речи не могли понять в Ключевском ученые юристы, видные представители того же историко-юридического направления, к которому и сам он принадлежал. И вот раздавались упреки: откуда взял то или иное положение, почему не подкрепил его цитатами, ссылками. Откуда взял? Из минувшей жизни, во всей своей жизненной яркости проходившей перед его художественными очами, которую глубоко понял и которую воспроизвел, воскресив ее волшебной силой своего творчества. Какими цитатами и ссылками нужно подтверждать еще правду, почерпнутую таким художественным восприятием? Среди великих русских художников Ключевский должен быть отнесен к тому их направлению, расцвет которого совпадает со второй половиной XIX века, к которому в живописи принадлежит Репин и которое в литературе нашло себе высшее проявление в Толстом. Как и эти великие представители русского искусства, он так же был художником-реалистом. Как и они,

он так же был одарен тонко развитым чувством правды, указывающим каждую неверную линию и позволяющим расслышать каждую фальшивую ноту. В его изображениях, так сильно приподнимающих читателя, нет ничего приподнятого, нет ни одного ходульного приема, преувеличенного жеста, какого-нибудь излишне-торжественного, напускного выражения. У него нет богов и героев на земле, есть только люди, люди менее или более сильные и даровитые, даже гениальные и святые, но все это люди в реальных условиях и в реальной обстановке.

Что же оставил нам Ключевский как ученый, силой своей мысли раскрывавший нам смысл минувшего и как художник воскрешавший перед нами образы былого? Теперь еще невозможно оценить все им сделанное, нельзя еще точно учесть силы оказанного им влияния. Настанет пора, когда появятся о нем специальные исследования; тогда найдут себе беспристрастную оценку и данная им общая концепция русского исторического процесса и предложенные им решения отдельных вопросов этого процесса. В его крупных произведениях и мелких статьях специалисты найдут наряду с решением одних задач постановку других и вместе с тем ценные указания методов к их решению. Этих указаний теперь не перечислишь, но без них долго нельзя будет обойтись при дальнейших работах в тех областях, которых касался Ключевский. Может быть, и придется признавать иные его решения неудачными, но нельзя будет никогда обходить их равнодушно.

Широким и, надо думать, все более имеющим расширяться кругам русского общества Ключевский оставил свой курс, замечательный памятник нашего национального самосознания, в котором можно видеть итог мыслительной работы русского народа над своим прошлым, подведенный одним из талантливейших его сынов. Курс стал уже настольною книгой каждого русского образованного человека, и недалеко то время, когда, будучи переведен на иностранные языки, он сделается светом откровения и для западноевропейского мира, которому он откроет глаза на истину нашего прошлого. Широкою волной основные выводы курса льются через учебную литературу в нашу среднюю и низшую школу, и таким образом его положения входят в плоть и в кровь нашего исторического миросозерцания. Отрывки из него мы скоро увидим в хрестоматиях по русскому языку как образцы русского художественного слова наряду с лучшими произведениями нашей прозы. И долгое время эта книга Ключевского будет зажигать юные сердца любовью к изучению родной истории и порождать склонность к специальному

занятию ею, оказывать то же действие, какое на него самого оказали книги Карамзина и Соловьева.

Собравшись сегодня, чтобы вспомнить учителя, запечатлеем в благодарной памяти его дорогой нам образ. Вот он на славной кафедре московского университета, перед которой, сменяя друг друга, чередуются многие поколения его всегда одинаково восторженных слушателей. Во вдохновенном, полном огня и красок слове передает он им «грустные звуки былого», чутко воспринятые его чуткою, отзывчивою душою. Вспомним и призыв его, обращенный к своей аудитории, а через нее и ко всему русскому обществу. Такой призыв, может быть, делался и до него, но никем не был лучше Ключевского сказан. Историк-социолог и художник-реалист, человек, вынесший взгляды из школы 60-х годов, он ценил свою науку преимущественно с ее практической, прикладной стороны. Без этой цены, говорил он, история была бы ненужным балластом, напрасно обременяющим нашу память. Изучению местной, отечественной истории он придавал большое гражданско-воспитательное значение. Все мы — участники общежития, все мы — его строители в настоящем и в будущем. Чтобы участвовать в этом строительстве сознательно, чтобы лучше созидать будущее, надо прежде всего быть знакомым с прошлым. «Чтобы знать, куда и как нам идти, надо прежде всего знать, откуда мы пришли; чтобы быть гражданином, надо хоть немного знать родную историю». И сам же Ключевский дал нам лучшее средство к практическому выполнению своего завета. На его книге будут воспитываться не только специалисты-работники на научной ниве русской истории, но и многие поколения русских граждан.